

Issues of children's rights in Russian classical literature

E. A. Fedorova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-1-60-71

Research article
Full text in Russian

The article provides an overview of Russian literature of the 19th century that focuses on children. In the early 19th century, the first children's writers emerged, and a circle of children's reading emerged, which included literature for adults and works specifically written for children. These works were united by their focus on children's psychology and their educational objectives. Russian writers not only took the side of the downtrodden and abused children, but also emphasized that children were responsible for their actions from the age of eight. The article analyzes the works of Antony Pogorelsky, A. O. Ishimova, N. A. Nekrasov, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, D. V. Grigorovich, A. P. Chekhov, V. G. Korolenko, and K. N. Stanyukovich. Through the works of these authors, the article raises the issues of a child's right to life, protection from exploitation and violence, the standard of living and conditions necessary for their physical, mental, and spiritual development, and the right to refuse work that may pose a danger to their well-being.

Keywords: Russian literature of the 19th century; issues of children's rights

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedorova, Elena A.	E-mail: sole11@yandex.ru ORCID iD: 0000-0001-7756-2499 D. Sc. (Philology), Professor
--------------------	--

Funding: Presidential Fund for Cultural Initiatives (project PFKI 25-2-009232)

For citation: Fedorova E. A. Issues of children's rights in Russian classical literature // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 1. P. 60-71. (in Russ.)

Проблемы прав ребенка в русской классической литературе

Е. А. Фёдорова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-1-60-71

УДК 342.72/.736, 342.74

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье дается обзор русской литературы XIX века, посвященной детской теме. В начале XIX века появляются первые детские писатели и формируется круг детского чтения, в который входит литература для взрослых и произведения, написанные специально для детей. Объединяют все эти произведения ориентация на детскую психологию и воспитательные задачи. Русские писатели не только берут под защиту униженного и обиженного ребёнка, но и напоминают о том, что с восьми лет ребёнок уже несёт ответственность за свои поступки. В статье анализируются произведения Антония Погорельского, А. О. Ишимовой, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Д. В. Григорovichа, А. П. Чехова, В. Г. Короленко и К. Н. Станюковича. На примере произведений этих авторов поднимаются проблемы права ребёнка на жизнь, на защиту от эксплуатации и насилия, на уровень жизни и условия, необходимые для полноценного физического, умственного и духовного развития, на отказ от работы, которая может представлять опасность для его здоровья, на защиту от насильственного перемещения и др. Рассматривается пример буллинга и поднимается проблема возможности самозащиты ребёнка. Острые вопросы, которые ставили писатели, вынуждали работать общественную и правовую мысль. Вместе с тем и сегодня остаются проблемы, поставленные русскими писателями в XIX веке.

Ключевые слова: русская литература XIX века; проблемы детского права

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фёдорова, Елена Алексеевна

E-mail: sole11@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7756-2499

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики коммуникации

Финансирование: Президентский фонд культурных инициатив (проект ПФКИ 25-2-009232)

Для цитирования: Фёдорова Е. А. Проблемы прав ребенка в русской классической литературе // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 1. С. 60-71.

Русская классическая литература всегда брала под защиту униженного и обиженного ребенка. Защищая права ребенка на жизнь, честь и достоинство, на достойный уровень жизни, русские писатели никогда не идеализировали детство, напоминая, что с определённого возраста ребёнок – это уже личность, которая несёт ответственность за свои поступки [1]. Поскольку духовной основой русской

© ЯРГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

классической словесности является православие, то ответственность за поступки наступает с христианской точки зрения с восьми лет, когда на смену младенчеству приходит отрочество. Д. Л. Горбунцова находит отражение христианской традиции в дореволюционных правовых документах. Так, в ст. 100 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (СПб., 1845) говорится, что ребёнок до семи лет не несёт наказания за свои преступления, потому что не имеет достаточного о своих деяниях понятия» [2, с. 627].

Отрочество – это самый сложный и опасный возраст для ребёнка, поскольку, самоутверждаясь, подросток может совершить поступок, который приведет его к разрушению, причинит вред окружающим. Поэтому в детской литературе, в детском чтении всегда присутствовали воспитательные задачи. Так, в повести «Отрочество» Л. Н. Толстой показывает кульминацию отчуждения подростка от мира взрослых, которую он называет «затмение»: «В такие минуты, когда мысль не обслуживает вперед каждого определения воли, а единственными пружинами жизни остаются плотские инстинкты, я понимаю, что ребенок, по неопытности, особенно склонный к такому состоянию, без малейшего колебания и страха, с улыбкой любопытства, раскладывает и раздувает огонь под собственным домом, в котором спят его братья, отец, мать, которых он нежно любит» [3, с. 40–41]. Достоевский в «Дневнике Писателя» описывает ситуацию, когда 12-летний мальчик после того, как его оставили в школе до пяти часов вечера в качестве наказания, повесился, не в силах перенести полученную травму [4, с. 106].

В. И. Даль в «Толковом словаре» на основе народных представлений предлагает такое возрастное деление: детство – до 14 лет, подросток – 14–15 лет, юность – от 15 до 20 лет. «Педагогическая энциклопедия» предлагает иное возрастное деление: дошкольный возраст – от 3 до 7 лет, младший школьный возраст – от 7–8 лет до 11–12 лет, подростковый возраст – от 11–12 лет до 15–16 лет, юношеский возраст – от 15 до 20 лет. Наконец, в издательской практике принято делить читателей на четыре возрастные группы: дошкольный возраст – 4–7 лет, младший школьный возраст – учащиеся 1–4 классов, средний школьный возраст – 5–9 классы, старший школьный возраст – 9–11 классы. Кроме этого, необходимо помнить, что художественная литература связана с действительностью, но не всегда тождественна ей. Жизнь – это не только материальная действительность, но и жизнь человеческого духа. «Образ мира, в слове явленный», – так определил специфику художественной литературы Борис Пастернак.

В первой половине XIX века в русской словесности формируется круг детского чтения в литературе для взрослых (И. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.) и появляются детские писатели, ориентирующиеся на детскую психологию (В. Ф. Одоевский, А. Погорельский) [5]. Создаются новые жанры: литературная сказка (А. П. Зонтаг, В. Ф. Одоевский), святочный рассказ (В. Ф. Одоевский), повесть из детской жизни (А. О. Ишимова, В. П. Бурнашева, Л. А. Ярцова, М. Ф. Ростовская и др.). Особенно популярными стали «Городок в табакерке» и «Мороз Иванович» В. Ф. Одоевского, «Девушка Березница» А. П. Зонтаг (сюжеты этой писательнице дарил В. А. Жуковский, её дядя и учитель). Святочный рассказ «Мороз Иванович» имеет воспитательное и познавательное значение (здесь даются некоторые знания по физике и химии). В занимательной форме иерархическое строение обще-

ства показано в сказке «Городок в табакерке». Значительную роль в становлении детской литературы сыграла Александра Осиповна Ишимова. Будучи дочерью адвоката, несправедливо отправленного в ссылку на север, она повторила подвиг Прасковьи Луполовой, ставшей прототипом Маши Мироновой, героини «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: отправилась в Петербург, чтобы уговорить императора помиловать отца. Чтобы помочь отцу, Александра Осиповна стала заниматься переводами. Их считал лучшими А. С. Пушкин. А. О. Ишимова стала учителем великой княгини Елены Павловны. Особенный успех пришел к писательнице после публикации «Истории России в рассказах для детей» (1837–1841). Эта книга стала любимым семейным чтением для многих поколений русских людей. Учебными можно назвать «Чтение для детей первого возраста» (1845) и «Первое чтение и первые уроки для маленьких детей» (1858). В них писательница включила рассказы из жизни детей, которые были написаны в форме диалога ребёнка с матерью или воспитательницей. Этот методический приём, по мнению писательницы, может помочь усвоить маленькому читателю с его родителями знания по истории, природоведению, математике и грамматике без учителя. В рассказе «Сестра, каких мало» рассказывается, как 14-летняя сестра опекает младших брата и сестру, оставшихся без матери. Здесь подробно описана их жизнь, их занятия и разговоры. Дети читают исторические рассказы из книги Ишимовой «Бабушкины уроки или русская история в разговорах для маленьких детей» [6, с. 185–186].

В некоторых случаях литературная сказка несет черты святочного рассказа, что приводит к усилению воспитательного воздействия литературного произведения. Так, в сказке «Черная курица» (1829) Антония Погорельского (настоящее имя – Алексей Алексеевич Перовский), которую он написал для своего племянника, будущего писателя Алексея Константиновича Толстого, сюжет строится на взаимодействии двух мотивов. С одной стороны, показано одиночество мальчика-сироты, который в рождественские каникулы остается один в пансионе. Это пробуждает сострадание к ребёнку, лишенному внимания и родительской любви. С другой стороны, целью автора является пробуждение сознания ребёнка, который несёт ответственность за свои поступки. Святочный рассказ опирается на фольклорные традиции и показывает чудо, которое происходит в святые дни – от Рождества Христова до Крещения (Богоявления Господня). Чудесное семечко, которое получает мальчик Алёша от Черной курицы, исполняет его желания до тех пор, пока мальчик в своем самоутверждении не переступает нравственный закон любви к ближнему. Раскаяние мальчика приводит его к взрослению, духовному преображению. Это и есть главное чудо рассказа.

Для русских писателей второй половины XIX века тема детства была очень значима. Благодаря Н. А. Некрасову, Д. В. Григоровичу, И. С. Тургеневу, И. А. Гончарову, Л. Н. Толстому читатели смогли войти во внутренний мир ребёнка, обратились к проблеме защиты матери и ребёнка, особенно если это касалось представителей народной среды. Вскоре после отмены крепостного права, в 1861 году, Некрасов написал поэму «Крестьянские дети», где показал детей, в чьей жизни, благодаря близости к природе, «много поэзии слито», для которых труд представлен прежде всего «нарядной своей стороной». Но здесь же поэт показал «другую сторону медали». Он создал образ маленького Власа, которому «миновал» шестой годик. Этот «му-

жичок с ноготок» возит из леса дрова на лошади, занимается физическим трудом, который ему едва под силу, поскольку в семье всего два «мужика», как говорит сам мальчик: «Отец мой да я». Созданные поэтом картины народной жизни пробуждают, как пишет Некрасов, «честные мысли», исполненные «боли» и «любви».

В поэме «Русские женщины» (1872) Некрасов поднимает также проблему прав ребёнка, рожденного от политического заключенного. Губернатор из всех сил старается остановить Екатерину Трубецкую и Марию Волконскую, жён декабристов, отправившихся за своими мужьями в Сибирь. Он напоминает о лишении всех прав, которые затронут их детей, рожденных в браке с осуждёнными: «Всеми вы скажете прости, / Что вам дано отцом, / Что по наследству перейти / Должно бы к вам потом! / Права имущества, права / Дворянства потерять! / Нет, вы подумайте сперва – / Зайду я к вам опять!» Решаясь ехать к мужу в Сибирь, Мария Волконская оставила у родителей своего сына-младенца, уповая на то, что, «когда подрастет / и страшную тайну узнает», «он матери чувство поймет / и в сердце её оправдает». Она берет клятву у своей сестры, что та заменит её сыну мать.

Тема страдающего ребенка становится лейтмотивом творчества Фёдора Михайловича Достоевского. В большинство своих произведений писатель вкладывает мысль о том, что преступление против ребёнка – это самое страшное из всех возможных преступлений. Так, герой романа «Бесы» (1872), Николай Ставрогин, совершает сексуальное преступление против 14-летней девочки Матрёши. Девочка, не в силах пережить ситуацию, когда она «Бога убила», кончает жизнь самоубийством. Ставрогин понимает её намерения, но специально выжидает время, чтобы она совершила задуманное, не останавливая её. Эти минуты ожидания, когда оскорбленная им девочка, кончает жизнь самоубийством, становятся поворотными для героя. В косых лучах заходящего солнца, сидя у окна, он видит на листке герани красного паучка. Это насекомое становится хтоническим¹ символом зла, сладострастия, хаоса, который овладевает душой героя. Наказанием для Ставрогина становится повторение этой «пороговой» ситуации: как только солнце своими косыми лучами проникает в комнату, где находится герой, он видит на пороге своей комнаты Матрёшу, которая угрожает ему кулачком, и красного паучка. Не в силах вынести этих видений, герой сам кончает жизнь самоубийством.

В романе «Униженные и оскорбленные» (1864) судьба девочки Нелли становится предостережением для Николая Сергеевича Ихменева. Главный герой, писатель Иван Петрович, рассказывает ему печальную повесть 13-летней Нелли. Её мать пошла против воли своего отца, англичанина Смита. Она отдала деньги отца своему возлюбленному, уехав с ним за границу, но любовник её бросил, а отец проклял. Она вышла замуж за иностранца, который принял её дочь. После его смерти, как вдова иностранца, она вернулась в Россию, ища прощения у отца, но он был неумолим. Только смерть дочери заставила Смита согласиться на примирение, но было уже поздно: мать Нелли умерла, не дождавшись прощения отца. Елена (или Нелли) после смерти матери оказалась у Анны Трифоновны Бубновой, хозяйки дома, где снимала комнату мать девочки. Иван Петрович становится свидетелем расправы хозяйки над девочкой за опоздание: «...В исступлении она бросилась

¹ Хтонический – (от греч. «земля, почва») в мифологии олицетворение стихийной силы подземного царства, часто это определение относится к демонологическим персонажам.

на обезумевшую от страха девочку, вцепилась ей в волосы и грянула её оземь. Чашка с огурцами полетела в сторону и разбилась; это ещё более усугубило бешенство пьяной мегеры. Она била свою жертву по лицу, по голове; но Елена упорно молчала, и ни одного звука, ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она, даже и под боями» [7, с. 259]. Затем рассказчик узнаёт, что Бубнова захотела сделать девочку публичной женщиной. Иван Петрович буквально вырвал Елену из рук пьяного клиента Бубновой. История Нелли потрясает Ихменева, который так же, как Смит, не мог простить свою дочь Наташу, ушедшую из дома к врагу отца. В Светлое Христово воскресение происходит примирение отца и дочери. Нелли остается в семье Ихменевых на воспитание.

Есть в романе «Униженные и оскорбленные» эпизод: старик Ихменев отдает девочке-нищенке, которая просит милостыню, всё, что у него есть в кошелке. Достоевский создает яркий образ страдающей девочки: «Это была маленькая, худенькая девочка, лет семи-восьми, не больше, одетая в грязные отрепья; маленькие ножки её были обуты на босу ногу в дырявые башмаки. Она силилась прикрыть своё дрожащее от холоду тельце каким-то ветхим подобием крошечного капота, из которого она давно уже успела вырасти. Тощее, бледное и больное её личико было обращено к нам; она робко и безмолвно смотрела на нас и с каким-то покорным страхом отказа протягивала нам свою дрожащую ручонку. Старик так и задрожал весь, увидя её...» Ихменев говорит своему спутнику: «Это я, видишь, Ваня, смотреть не могу <...> как эти маленькие, невинные создания дрогнут от холоду на улице... из-за проклятых матерей и отцов. А впрочем, какая же мать и вышлет такого ребёнка на такой ужас, если уж не самая несчастная!.. Должно быть, там в углу у ней сидят сироты, а это старшая; сама больна, старуха-то; и... гм! не княжеские дети! Много, Ваня, на свете... не княжеских детей!» [7, с. 212–213].

Образ ребёнка, оставшегося без родителей и выброшенного на улицу, создается Достоевским также в «Дневнике Писателя». Это уникальное явление в литературе, соединяющее публицистику и художественное творчество. «Дневник Писателя» 1876 года включал циклы «календарной литературы»: рождественский и пасхальный. В рождественском цикле писатель соединил очерк «Мальчик с ручкой», включающий размышления о детях, которых взрослые отправляют на улицу просить милостыню, и рассказ «Мальчик у Христа на ёлке». Герой рассказа, оставив в подвале умершую мать, выходит на улицу и попадает в равнодушный к нему мир, где за окнами сытые и довольные люди готовятся к Рождеству Христову. Мальчика выгоняют из богатого дома, отделившись от него копеечкой, которая тут же выпадает из его красных замерших ручонков. Мимо проходит «блюститель порядка», сделав вид, что не видит мальчика. Итогом этого путешествия по холодному в буквальном и переносном смыслах Петербургу становится смерть мальчика, замерзшего на улице. Его душа переносится в другой мир, где на «ёлке у Христа» встречается с матерью и другими погибшими детьми, ставшими ангелами.

В рождественском рассказе должно произойти чудо. Достоевский верит, что чудо произойдет с читателем, который в рождественские дни, выйдя на улицу и встретив очередного «мальчика с ручкой», не пройдет мимо, а примет участие в судьбе ребёнка. В «Дневнике Писателя» 1876 г. Достоевским показывается «жизненный факт как новое проявление евангельской истины» [8, с. 290]. Времен-

ное и вечное при этом соединяются благодаря цитатам не только из Евангелия, но и из богослужебных текстов. В рассказе «Мальчик у Христа на елке» содержится цитата из евхаристического канона Литургии: «Он сам посреди их» [9, с. 17]. В статье «Колония малолетних преступников» цитируется рождественский тропарь, который звучит на праздничном богослужении: «Рождество твое Христе Боже Наш» [9, с. 21]. В этом очерке представлен деятельный пример любви к ближнему, который показывают воспитатели колонии для малолетних преступников: эти молодые люди живут и работают вместе с осужденными в колонии и воспитывают их своим примером.

Теме детства посвящены многие страницы «Дневника писателя». Особенно болезненно воспринимал писатель связанные с детьми факты, которые выносились на публичное обсуждение в залы нового российского суда присяжных заседателей. В это время в российской общественности вызвало широкий отклик дело Кроненберга. Достоевский также включился в обсуждение этого судебного процесса. Кроненберга судили за то, что тот жестоко высек свою семилетнюю дочь шпицрутенами, но его оправдали благодаря известному адвокату В. Д. Спасовичу, который в своей речи назвал поступок отца всего лишь «наказанием» за детские пороки, предел которому не установлен, а значит, он не существует. Достоевский выступил против аргументов Спасовича: в февральском номере «Дневника писателя» 1876 года он, возмущенный решением суда, поместил подробный анализ защитной речи адвоката Спасовича, указав на приемы манипуляции, который использовал оратор, в частности, приём «очернения» жертвы [10]. Писатель считал, что адекватного объяснения родительской жестокости и истязаниям ребёнка быть не может: «Слушайте, – обращается Достоевский к своему читателю, – мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности, даже и при порочной какой-нибудь в них привычке, – к их безответственности и к трогательной их беззащитности» [9, с. 68–69].

В статье «Дело родителей Джунковских с родными детьми» (1877) Достоевский поднимает проблему наказания родителей в целях их воспитания. История Джунковских производит жуткое впечатление: эти родители секли своих детей, заставляли спать в грязной комнате с одним рваным одеялом, закрывали в холодном туалете, морили голодом. Но Джунковских в процессе судебного разбирательства оправдали: им удалось доказать, что дети заслужили наказание, потому что воровали и совершали другие дурные проступки [11].

Писатель поднимает проблему отсутствия в современном праве наказания за жестокое обращение с детьми: «О, конечно, есть такой суд, который может их обвинить и ясно указать за что, но не уголовный же суд с присяжными заседателями, судящий по написанному закону. А в написанных законах нигде нет статьи, ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям» [12, с. 183]. Нельзя утверждать, что Достоевский жаждет каторги или тюрьмы в качестве наказания для родителей, поскольку понимает, насколько присутствие ро-

дителей в жизни детей необходимо. Он стремится пробудить сознание равнодушных родителей и ведет своего адресата к диалогу согласия. Постепенно дистанция между автором и адресатом сокращается: сначала он пишет об отцах «случайного семейства» «они», – затем прямо обращается – «вы»: «Вы не холодные эгоисты. Ищите же любви и копите любовь в сердцах ваших» [12, с. 183]. Наконец, автор присоединяет себя к своему адресату, чтобы обратиться к высшей «инстанции» – Богу: «Если уж перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станет тогда с нами самими? Вспомните тоже, что лишь для детей и для их золотых головок Спаситель Наш обещал нам сократить времена и сроки» [12, с. 193]. Напоминание о Страшном суде должно обратить читателя к евангельской истине. Теперь Достоевский организует диалог с согласным читателем, надеясь на то, что тот имеет такие же морально-нравственные ориентиры, что и сам автор.

В романе «Подросток» (1875) поднимается проблема дискриминации детей, которые воспитываются в одном учебном заведении. Главный герой, Аркадий Долгорукий, вспоминает, как хозяин пансиона Тушар, после того как ему отказали в прибавке за воспитание мальчика как незаконнорожденного сына, стал унижать его: посадил отдельно от других детей, потому что он «подлого происхождения», бил и заставлял его себе прислуживать. Другие дети стали смеяться над мальчиком и презирать его [13, с. 96–98]. Хотя ребёнок целовал руки воспитателю и просил у него прощения, но он не понимал, за что его бьют и унижают. Осознание этого пришло после, когда Подросток принимает «идею Ротшильда», т. е. мечтает о деньгах как тайной власти над людьми. В состоянии внутреннего раскола и «затмения», после несправедливого обвинения его в воровстве, Аркадий готов поджечь город. Однако детские воспоминания о первом причащении и материнской молитве, а также встреча с Макаром Долгоруким становятся спасительными для Аркадия. В черновом автографе «Подростка» материнский образ Софьи Андреевны несет благообразие: «Что живи в каком хочешь безобразии, но что, если существует еще материнская любовь, т. е. еще и благообразие» [14, с. 365].

Макар Долгорукий рассказывает историю купца Скотобойникова, которую можно назвать пасхальным рассказом, поскольку завершается эта история духовным возрождением героя. Поворотным моментом для купца становится гибель 8-летнего мальчика, взятого им на воспитание. Пребывая в сильном страхе перед своим воспитателем, мальчик, совершив незначительный проступок и ожидая за него наказания, бросается в реку. Скотобойников, будучи верующим человеком, сильнее всего переживает, что мальчик с христианской точки зрения совершил страшный грех самоубийства. Ему исполнилось восемь лет, и он несёт ответственность за то, что совершает. Вся последующая жизнь купца становится искуплением его прежней греховной жизни. Достоевский не только ищет пути возрождения для «великого грешника», он поднимает проблему права ребёнка на защиту от насилия.

В итоговом романе «Братья Карамазовы» (1880) мотив страдающего ребёнка объединяет всех главных героев. Иван Карамазов, герой-теоретик, интеллектуальный персонаж, приводит факты страданий детей как проявление несправедливости, существующей в Божьем мире. Если мир так несправедлив, то герой от-

казывается принимать его законы, следовательно, считает он, «все дозволено». Герой Достоевского приводит примеры страданий детей из современной писателю действительности (в том числе это дело Джунковских, дело об особой жестокости по отношению к пятилетней девочке её родителей) и поднимается на бунт: «Пока ещё время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре неискуплёнными слезами своими к „боженьке“!» [15, с. 220]. Достоевский показывает, что, признавая отдельные вопиющие факты жестокости родителей по отношению к своим детям как общие законы, Иван Карамазов отходит от истины и выступает как манипулятор, стремясь воздействовать на своего собеседника Алёшу. Но вместе с тем писатель поднимает проблему права ребёнка на тот уровень жизни, который необходим для полноценного физического, умственного и духовного развития. Других братьев Карамазовых – Дмитрия и Алёшу – страдание ребёнка побуждает к активному действию. Дмитрий, одержимый страстями, готов на отцеубийство. Поворотным моментом для него становится сон, в котором он видит мать и ее грудного ребёнка, умирающих от голода. После этого сна он жаждет начать новую жизнь, в которой хочет искупить свою вину, он хочет сделать так, чтобы не «плакало дитё». Дмитрий не знает, что он действительно виновен в том, что публично унизил штабс-капитана Снегирёва на глазах его сына Илюши, что привело к травле мальчика его одноклассниками. Мальчики стали дразнить Илюшу и бросать в него камни. Илюша в результате так ожесточился, что ударил ножом в ногу одному из мальчиков и стал бросать камни в Алёшу Карамазова как брата обидчика своего отца. Алёше удалось не только прекратить травлю Илюши одноклассниками, но он пробудил сострадание к больному ребёнку и объединил мальчиков вокруг Илюши.

Достоевский поднимает проблему, которая сейчас называется «буллинг», т. е. это конфликт, возникающий чаще всего в школьной среде, в котором существуют устойчивые роли преследователей и жертвы. Проблема заключается в том, что результатом травли ребёнка его сверстниками может стать психологическая травма, а уголовную ответственность за свои действия несовершеннолетние не несут. Кроме этого возникает вопрос: как может защитить себя ребёнок? Где граница самообороны? Какие средства самозащиты есть у ребёнка?

Д. В. Григорович, который учился вместе с Достоевским в Военно-инженерном училище, в своем рассказе «Гуттаперчевый мальчик» (1883) повествует об истории мальчика Пети, который в пятилетнем возрасте остался без матери и был отдан акробату Беккеру, взявшему мальчика в ученики. Беккер жестоко обращался со своим учеником и заставлял его работать до изнеможения. Перед началом Великого поста режиссёр цирка потребовал от артистов ежедневного выступления, хотя видел, что они очень устали. Выступление «гуттаперчевого мальчика» завершилось его гибелью: «...на тюфяке лежит ребёнок с переломленными ребрами и разбитою грудью. Ночник освещает его с головы до ног; он весь обвязан и забинтован; на голове его также повязка; из-под нее смотрят белки полузакрытых, потухающих глаз». Писатель поднимает проблему права ребёнка на защиту от эксплуатации.

В творчестве А. П. Чехова также создаётся образ страдающего ребенка. В рассказе «Ванька» (1886) поднимается проблема права ребёнка на проживание в семье. Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный в учение к сапожнику, в своем письме к дедушке просит, чтобы он забрал его домой, поскольку его хозяин бьёт колодкой по голове, кормят его в доме сапожника хлебом три раза в день и только в обед дают кашу. В рассказе «Спать хочется» (1888) писатель утверждает право детей на отдых. Главная героиня Варька, 13-летняя девочка, оставшись без родителей, становится нянькой младенца. Чехов показывает мир глазами замученной девочки. Она мучительно хочет спать, но хозяин бьёт её и заставляет днём служить, а ночью – качать люльку. Её настоящее, исполненное жестокости и насилия, пережегается с воспоминаниями, из которых читателю становится известно о трагической смерти её отца и о том, как они с матерью пришли в город в поисках работы. Автор пишет, что «ложное представление» овладевает девочкой, когда она видит своего врага, не дающего ей отдыха, в ребёнке. Задушив ребёнка, девочка засыпает.

В повести В. Г. Короленко «Дети подземелья» (1885) созданы образы нищих детей: семилетнего Вальки и трёхлетней Маруси. Дети-сироты, лишенные дома, живут в развалинах католической часовни. Главный герой, потерявший мать, испытывает к этим детям, особенно к Марусе, «цветку, выросшему без солнца», «сожаление, доходящее до сердечной боли». Увидев, как серый камень «высасывает» жизнь из Маруси, он решается взять у своей сестрёнки куклу, чтобы утешить умирающую девочку. Отец главного героя Васи, судья, грозно расспрашивает сына о том, куда он дел куклу сестры. Узнав о судьбе нищих детей, он просит прощения у своего сына и передаёт пану Тыбуцию, опекающему детей, денежную помощь.

В повести Короленко «Слепой музыкант» (1898) повествуется о судьбе мальчика Петра, который рождён слепым. Его дядя Максим Михайлович, ставший инвалидом во время военных действий, решает посвятить свою жизнь воспитанию племянника, лишённого, как и он, возможности полноценной жизни. Он возражает против того, чтобы слепого ребёнка окружали такой заботой, которая лишает его самостоятельности, стремится развить его способности, обучая его вместе со здоровой девочкой – соседкой Эвелиной. Окружавшие Петра приводят ему примеры слепых, которые сумели найти себя в жизни: легендарный Юрко-бандурист, два брата, слепые звонари из монастыря. Эвелина подслушивает разговор слепых и узнаёт, что слепорождённый озлоблен на жизнь, а тот, кто не сразу потерял зрение, добр и любит детей. Петру снится мать, которую он помнит молодой. Он страдает от того, что ни разу не видел мира и близких людей. Его дядя Максим решает расширить границы мира племянника. Услышав от него, что он завидует нищим слепым, он ведет Петра к ним, чтобы он переключился со своих страданий на чужие. Пётр узнаёт жизнь, странствуя вместе с нищими и слепыми, а Эвелина после возмужания героя решает выйти за него замуж. Кульминацией становится момент рождения их сына. Пётр уверен, что его сын будет слепым. Когда же он узнаёт, что сын его здоров, он испытывает такое радостное потрясение, что на несколько секунд к нему возвращается зрение. Он уверяет своих близких, что увидел их. В эпилоге дядя слепого музыканта воспринимает его музыку, несущую правду о жизни, как откровения зрячего человека. «Он прозрел», – думает Максим Михайлович о племяннике с чувством исполненного долга.

К. М. Станюкович в рассказе «Максимка» (1896) поднял проблему права ребёнка на защиту от насильственного перемещения. Герой рассказа, 11-летний «арапчонок», был спасён командой клипера «Забияка» от гибели: его обнаружили, привязанного к мачте, в море. Вскоре выяснилось, что мальчика в Мозамбике купил капитан брига «Бетси», который занимался работоторговлей. Бриг попал в шторм, а мальчик чудом спасся. Матросы сочувственно отнеслись к арапчонку, особенно когда увидели его покрытую рубцами спину: бывший хозяин его бил каждый день. Но особенно полюбил мальчика матрос Иван Лучкин, который взял арапчонка под свою защиту со словами: «Забижать дитё – самый большой грех... Какое ни на есть оно: крещеное или арапское, а всё дитё – и ты его не забидь». Матрос сшил мальчику одежду, накормил его со словами: «У Бога все равны... Всем хлебушка есть хочется». Иван Лучкин дал мальчику имя «Максимка», потому что его спасли в день св. угодника Максима. Матрос так привязался к мальчику, что стал грустить, что придется его высадить на мысе Доброй Надежды, первой стоянке корабля. Когда же Максимка понял, что его хотят высадить, он стал умолять матросов, чтобы его оставили на корабле. Команда обратилась к капитану за разрешением оставить мальчика и сделать его юнгой на корабле. Мальчика оставили, крестили, а через три года отправили его в Кронштадт учиться. Вместе с ним сошёл на берег Иван Лучкин, который помогал мальчику уже на суше.

Русская классическая литература вводит читателя в мир ребёнка для того, чтобы ярче раскрыть проблемы тех, чьи интересы и права должны являться предметом заботы взрослых людей. Острые вопросы, которые ставили писатели, вынуждали работать общественную и правовую мысль. Вместе с тем и сегодня остаются проблемы, поставленные русскими писателями в XIX веке. Исследователи детской литературы подбирают круг чтения для современных детей, который может им помочь в трудных ситуациях [16].

Ссылки

1. Зеньковский В. В. Психология детства. М., 1996. 346 с.
2. Горбунцова Д. Л. Правовой статус ребёнка в произведениях Достоевского // Право и правосудие в современном мире: (К столетию Верховного Суда Российской Федерации) // Сборник статей молодых исследователей X научно-практической конференции / под общей ред. Я. Б. Жолобова, А. А. Дорской. СПб.: Астерион, 2022. С. 626-629. EDN NUJNPE
3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 2 / под общей ред. В. Г. Чертова. 411 с.
4. Нагина К. А. Психологический этюд над детской душой: травматический опыт ребёнка в изображении Л. Толстого, С. Аксакова, Ф. Достоевского // Энергия травмы. Гродно, 2023. С. 101-109.
5. Костюхина М. С. Русская детская повесть (нач. XIX в.) // Русская литература. 1993. № 4. С. 80-93. EDN KPQWFF
6. Аверьянова Л. Н. Александра Ишимова: к 210-летию со дня рождения детской писательницы (1805-1881) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 5 (26). С. 185-186.

7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 3: Село Степанчиково и его обитатели; Униженные и оскорбленные / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова [и др.] Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 543 с.

8. Гаврилова Л. А. Коммуникативные стратегии и евангельская цитата в "Дневнике Писателя" Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 287-303. DOI 10.15393/j9.art.2015.2653

9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь - апрель / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова [и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 407 с.

10. Фёдорова Е. А. Сопоставительный анализ аргументации Ф. М. Достоевского и В. Д. Спасовича (по делу С. Л. Кроненберга 1876 г.) // Сопоставительные исследования 2018 г. / Воронежский государственный университет. Воронеж: Ритм, 2018. С. 218-221. EDN YPTEOK

11. Бесогонова С. А., Федорова Е. А. Диалог с читателем в публицистике Ф. М. Достоевского (на примере статьи "Дело Джунковских с родными детьми") // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 3. С. 326-333. DOI 10.18255/2412-6519-2021-3-326-333

12. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь - август / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова [и др.] Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 470 с.

13. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 13: Подросток / текст подгот. Г. Я. Галаган. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.

14. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 16: Подросток Рукописные ред. / текст подгот. А. В. Архипова, Г. Я. Галаган, И. Д. Якубович. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 440 с.

15. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 14: Братья Карамазовы: Роман: в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1-10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 511 с.

16. Демурова Н. М. Спасательные книги: что читать детям в трудных ситуациях жизни. М., 1995. 26 с.